

с. 462			
с. 463	стр. 24	быть,	быть
	стр. 10	непросвѣщенныхъ	непросвѣщеннымъ
	стр. 22	основания.	основания,
	стр. 24	сей моей Книгѣ	сей Книгѣ
стр. 464	стр. 13	Божіе	Божіе [л. 9]
	стр. 21	Естественныхъ	Естественныя
	стр. 22	нравственныхъ	нравственныя
	стр. 26	тоежъ	тоужъ
	стр. 33	почитаемы ^[м]	почитаемы
	стр. 36	Агличанинъ	Англичанинъ.
с. 466	стр. 14	отвергаеъ	отверзаеъ
	стр. 21	бойся	бояйся
	стр. 39	вовсе	вовся
с. 467	стр. 14	преизрядные	преизрядны
	стр. 18	Саммонинъ	Саммоникъ
	стр. 20	симъ	симъ,
	стр. 39	о множествахъ	о множестваѣ
с. 469	стр. 7	хоть	хотя
с. 470	стр. 2	нѣчто	нѣчто,

Псалтырь Тредиаковского, несомненно, очень быстро войдет в научный оборот и станет предметом разнообразных исследований. Работа А. Левицкого создает перспективу для будущего изучения русских псалтырных переложений XVIII в. и во многом закладывает основы культурологического и литературоведческого анализа этих текстов, и Псалтыри Тредиаковского в первую очередь. Поэтому она заслуживает особого внимания.

Первая глава исследования А. Левицкого названа «От Прогласа до псалмов Полоцкого» и служит как бы введением в исследование соответствующей проблематики в литературе XVIII в. Автор начинает с обсуждения вопроса о том, каково было восприятие Псалтыри в Древней Руси, и, оставляя в стороне спорные наблюдения Трубецкого и Якобсона о силлабической организации древнеславянской поэзии, говорит о синтетическом литургическом действе, в котором текст всегда связан с музыкальным воспроизведением: поэтическая функция Псалтыри и возникает в силу музыкального ритма (а не в силу метрической структуры самого текста). В XVII в. это синтетическое восприятие перестает быть актуальным и в результате возникают поэтические переложения с четкой метрической организацией; однако, хотя поэтическая функция больше не зависит от музыкального воспроизведения, связь с музыкой сохраняется и переложения Полоцкого предназначены прежде всего для пения; эта связь не исчезает полностью и в XVIII в., когда продолжают распространяться сборники, в которые входят различные духовные стихотворения, предназначенные для пения, и псалтырные переложения Ломоносова или Тредиаковского соседствуют здесь с текстами

XVII в.; таким образом, перед нами как бы непрерывная традиция. Автор, однако, не вполне учитывает противостояние «верхов и низов» (по выражению Н. С. Трубецкого) русской культуры: элитарная культура декларативно отказывалась от прошлого (в частности, XVII в., ср. отзывы Тредиаковского о Полоцком или Ломоносова о поэзии духовных школ), в то время как в литературной деятельности духовных семинарий традиции XVII в. (но, конечно, не древнеславянской литургической поэзии, если таковая вообще существовала) продолжают жить, не исключая свободной рецепции новых явлений (в частности, форм стихосложения), идущих из элитарной культуры; это соединение старого и нового с готовностью воспринимается нижним образованным слоем, что и обуславливает популярность сборников, упомянутых А. Левицким.

Водоразделом между старой и новой духовной поэзией явились псалтырные переложения, сделанные силлабо-тоническим стихом; само применение силлаботоники включало их в систему новой поэзии. А. Левицкий со скепсисом относится к переложениям, созданным Э. Глюком и И. Паусом, как к началу силлабо-тонической традиции (как полагал В. Н. Петец); замечу, однако, что обнаруживающаяся сейчас сейчас преемственность между нормализаторской деятельностью Глюка и Пауса в области языка с последующей академической грамматической традицией (к которой были причастны и Тредиаковский, и Ломоносов) делает более вероятной и преемственность в сфере стихосложения. Тем не менее А. Левицкий безусловно прав, когда основную роль в переходе от старого к новому отводит поэтическому состязанию 1743 г. между